

Платон. Пир
Фрагмент
Речь Сократа: цель Эроса - овладение благом

Сократ, Агафон, Диотима

И Сократ, продолжал Аристодем, начал примерно так:

Сократ: Ты показал в своей речи поистине прекрасный пример, дорогой Агафон, когда говорил, что прежде надо сказать о самом Эроде и его свойствах, а потом уже о его делах. Такое начало очень мне по душе. Так вот, поскольку ты прекрасно и даже блестяще разобрал свойства Эроса, ответь-ка мне вот что: «Есть ли Эрот непременно любовь к кому-то или нет? Я не спрашиваю, любовь ли это, скажем, к отцу или матери - смешон был бы вопрос, есть ли Эрот любовь к матери или отцу, - нет, я спрашиваю тебя так, как спросил бы ну, например, об отце: раз он отец, то ведь он непременно доводится отцом кому-то? Если бы ты захотел ответить на это правильно, ты бы, вероятно, сказал мне, что отец всегда доводится отцом дочери или сыну, не так ли?

Агафон: Конечно.

Сократ: И мать точно так же, не правда ли?

Агафон: Да.

Сократ: Тогда ответь еще на вопрос-другой, чтобы тебе легче было понять, чего я хочу. Если брат действительно брат, то ведь он обязательно брат кому-то?

Агафон: Это так.

Сократ: Брату, следовательно, или сестре?

Агафон: Да.

Сократ: Теперь попытайся ответить насчет любви. Есть ли Эрот любовь к кому-нибудь или нет?

Агафон: Да, конечно.

Сократ: Так вот, запомни это покрепче и не забывай, а пока ответь, вожделеет ли Эрот к тому, кто является предметом любви, или нет?

Агафон: Конечно, вожделеет.

Сократ: Когда же он любит и вожделеет: когда обладает предметом любви или когда не обладает?

Агафон: По всей вероятности, когда не обладает.

Сократ: А может быть, это не просто вероятность, но необходимость, что вожделение вызывает то, чего недостает, а не то, в чем нет недостатка? Мне, например, Агафон, сильно сдается, что это необходимость. А тебе как?

Агафон: И мне тоже.

Сократ: Отличный ответ. Итак, пожелал бы, например, рослый быть рослым, а сильный сильным?

Агафон: Мы же согласились, что это невозможно. Ведь у того, кто обладает этими качествами, нет недостатка в них.

Сократ: Правильно. Ну, а если сильный хочет быть сильным, проворный проворным, здоровый здоровым и так далее? В этом случае можно, пожалуй, думать, что люди, уже обладающие какими-то свойствами, желают как раз того, чем они обладают. Так вот, чтобы не было никаких недоразумений, я рассматриваю и этот случай. Ведь если рассудить, Агафон, то эти люди неизбежно должны уже сейчас обладать упомянутыми свойствами - как же им еще и желать их? А дело тут вот в чем. Если кто-нибудь говорит: «Я хоть и здоров, а хочу быть здоровым, я хоть и богат, а хочу быть богатым, то есть желаю того, что имею», - мы вправе сказать ему: «Ты, дорогой, обладая богатством, здоровьем и силой, хочешь обладать ими и в будущем, поскольку в настоящее время ты все это волей-неволей имеешь. Поэтому, говоря: «Я желаю того, что у меня есть», ты говоришь в сущности: «Я хочу, чтобы то, что у меня есть сейчас, было у меня и в будущем»». Согласился бы он с нами?

Агафон: Согласился бы.

Сократ: А не значит ли это любить то, чего у тебя еще нет и чем не обладаешь, если ты хочешь в будущем этим владеть и обладать?

Агафон: Конечно, значит.

Сократ: Следовательно, и этот человек, и всякий другой желает того, чего нет налицо, чего он не имеет, что не есть он сам и в чем испытывает нужду, и предметы, вызывающие любовь и желание, именно таковы?

Агафон: Да, конечно.

Сократ: Ну, а теперь подведем итог сказанному. Итак, во-первых, Эрот - это всегда любовь к кому-то или к чему-то, а во-вторых, предмет ее - то, в чем испытываешь нужду, не так ли?

Агафон: Да.

Сократ: Вспомни вдобавок, любовью к чему назвал ты в своей речи Эрота? Если хочешь, я напому тебе. По-моему, ты сказал что-то вроде того, что дела богов пришли в порядок благодаря любви к прекрасному, поскольку, мол, любви к безобразному не бывает. Не таков ли был смысл твоих слов?

Агафон: Да, именно таков.

Сократ: И сказано это было вполне справедливо, друг мой. Но не получается ли, что Эрот - это любовь к красоте, а не к безобразию?

Агафон: Да.

Сократ: А не согласились ли мы, что любят то, в чем нуждаются и чего не имеют?

Агафон: Согласились.

Сократ: И значит, Эрот лишен красоты и нуждается в ней?

Агафон: Выходит, что так.

Сократ: Так неужели ты назовешь прекрасным то, что совершенно лишено красоты и нуждается в ней?

Агафон: Нет, конечно.

Сократ: И ты все еще утверждаешь, что Эрот прекрасен, если дело обстоит так?

Агафон: Получается, Сократ, что я сам не знал, что тогда говорил.

Сократ: А ведь ты и в самом деле прекрасно говорил, Агафон. Но скажи еще вот что. Не кажется ли тебе, что доброе прекрасно?

Агафон: Кажется.

Сократ: Но если Эрот нуждается в прекрасном, а доброе прекрасно, то, значит, он нуждается и в добре.

Агафон: Я не в силах спорить с тобой, Сократ. Пусть будет по-твоему.

Сократ: Нет, милый мой Агафон, ты не в силах спорить с истиной, а спорить с Сократом дело нехитрое. Но теперь я оставлю тебя в покое. Я попытаюсь передать вам речь об Эроте, которую услышал некогда от одной мантинеянки, Диотимы, женщины очень сведущей и в этом и во многом другом и добившейся однажды для афинян во время жертвоприношения перед чумой десятилетней отсрочки этой болезни, - а Диотима-то и просветила меня в том, что касается любви, - так вот, я попытаюсь передать ее речь, насколько это в моих силах, своими словами, отправляясь от того, в чем мы с Агафоном только что согласились.

Итак, следуя твоему, Агафон, примеру, нужно сначала выяснить, что такое Эрот и каковы его свойства, а потом уже, каковы его дела. Легче всего, мне кажется, выяснить это так же, как некогда та чужеземка, а она задавала мне вопрос за вопросом. Я говорил ей тогда примерно то же, что мне сейчас Агафон: Эрот - это великий бог, это любовь к прекрасному. А она доказала мне теми же доводами, какими я сейчас Агафону, что он вопреки моим утверждениям совсем не прекрасен и вовсе не добр. И тогда я спросил ее: «Что ты говоришь, Диотима? Значит, Эрот безобразен и подл?»

Диотима: Не богохульствуй! Неужели то, что не прекрасно, непременно должно быть, по-твоему, безобразным?

Сократ: Конечно.

Диотима: И значит, то, что не мудро, непременно невежественно? Разве ты не замечал, что между мудростью и невежеством есть нечто среднее?

Сократ: Что же?

Диотима: Стало быть, тебе неизвестно, что правильное, но не подкрепленное объяснением мнение нельзя назвать знанием? Если нет объяснения, какое же это знание? Но это и не невежество. Ведь если это соответствует тому, что есть на самом деле, какое же это невежество? По-видимому, верное представление - это нечто среднее между пониманием и невежеством.

Сократ: Ты права.

Диотима: А в таком случае не стой на том, что все, что не прекрасно, безобразно, а все, что не добро, есть зло. И, признав, что Эрот не прекрасен и также не добр, не думай, что он должен быть безобразен и зол, а считай, что он находится где-то посередине между этими крайностями.

Сократ: И все-таки все признают его великим богом.

Диотима: Ты имеешь в виду всех несведущих или также и сведущих?

Сократ: Всех вообще.

Диотима (смеясь): Как же могут, Сократ, признавать его великим богом те люди, которые и богом-то его не считают?

Сократ: Кто же это такие?

Диотима: Ты первый, я вторая.

Сократ: Как можешь ты так говорить?

Диотима: Очень просто. Скажи мне, разве ты не утверждаешь, что все боги блаженны и прекрасны? Или, может быть, ты осмелишься о ком-нибудь из богов сказать, что он не прекрасен и не блажен?

Сократ: Нет, клянусь Зевсом, не осмелюсь.

Диотима: А блаженными ты называешь не тех ли, кто прекрасен и добр?

Сократ: Да, именно так.

Диотима: Но ведь насчет Эроса ты признал, что, не отличаясь ни добротой, ни красотой, он вожделеет к тому, чего у него нет.

Сократ: Да, я это признал.

Диотима: Так как же он может быть богом, если обделен добротой и красотой?

Сократ: Кажется, он и впрямь не может им быть.

Диотима: Вот видишь, ты тоже не считаешь Эроса богом.

Сократ: Так что же такое Эрот? Смертный?

Диотима: Нет, никоим образом.

Сократ: А что же?

Диотима: Как мы уже выяснили, нечто среднее между бессмертным и смертным.

Сократ: Кто же он, Диотима?

Диотима: Великий гений, Сократ. Ведь все гении представляют собой нечто среднее между богом и смертным.

Сократ: Каково же их назначение?

Диотима: Быть истолкователями и посредниками между людьми и богами, передавая богам молитвы и жертвы людей, а людям наказания богов и вознаграждения за жертвы. Пребывая посредине, они заполняют промежуток между теми и другими, так что Вселенная связана внутренней связью. Благодаря им возможны всякие прорицания, жреческое искусство и вообще все, что относится к жертвоприношениям, таинствам, заклинаниям, пророчеству и чародейству. Не соприкасаясь с людьми, боги общаются и беседуют с ними только через посредство гениев - и наяву и во сне. И кто сведущ в подобных делах, тот человек божественный, а сведущий во всем прочем, будь то какое-либо искусство или ремесло, просто ремесленник. Гении эти многочисленны и разнообразны, и Эрот - один из них.

Сократ: Кто же его отец и мать?

Диотима: Рассказывать об этом долго, но все-таки я тебе расскажу.

Когда родилась Афродита, боги собрались на пир, и в числе их был Порос, сын Метиды. Только они отобедали - а еды у них было вдоволь, - как пришла просить подаяния Пеня и стала у дверей. И вот Порос, охмелев от нектара - вина тогда еще не было, - вышел в сад Зевса и, отяжелевший, уснул. И тут Пеня, задумав в своей бедности родить ребенка от Пороса, прилегла к нему и зачала Эроса. Вот почему Эрот - спутник и слуга Афродиты: ведь он был зачат на празднике рождения этой богини; кроме того, он по самой

своей природе любит красивое: ведь Афродита красавица. Поскольку же он сын Пороса и Пении, дело с ним обстоит так: прежде всего, он всегда беден и, вопреки распространенному мнению, совсем не красив и не нежен, а груб, неопрятен, не обут и бездомен; он валяется на голой земле, под открытым небом, у дверей, на улицах и, как истинный сын своей матери, из нужды не выходит. Но, с другой стороны, он по-отцовски тянется к прекрасному и совершенному, он храбр, смел и силен, он искусный ловец, непрестанно строящий козни, он жаждет разумности и достигает ее, он всю жизнь занят философией, он искусный чародей, колдун и софист. По природе своей, он ни бессмертен, ни смертен: в один и тот же день он то живет и расцветает, если дела его хороши, то умирает, но, унаследовав природу отца, оживает опять. Все, что Эрот ни приобретает, идет прахом, отчего он никогда не бывает ни богат, ни беден.

Он находится также посередине между мудростью и невежеством, и вот почему. Из богов никто не занимается философией и не желает стать мудрым, поскольку боги и так уже мудры; да и вообще тот, кто мудр, к мудрости не стремится. Но не занимаются философией и не желают стать мудрыми опять-таки и невежды. Ведь тем-то и скверно невежество, что человек и не прекрасный, и не совершенный, и не умный вполне доволен собой. А кто не считает, что в чем-то нуждается, тот и не желает того, в чем, по его мнению, не испытывает нужды.

Сократ: Так кто же, Диотима, стремится к мудрости, коль скоро ни мудрецы, ни невежды философией не занимаются?

Диотима: Ясно и ребенку, что занимаются ею те, кто находится посередине между мудрецами и невеждами, а Эрот к ним и принадлежит. Ведь мудрость - это одно из самых прекрасных на свете благ, а Эрот - это любовь к прекрасному, поэтому Эрот не может не быть философом, то есть любителем мудрости, а философ занимает промежуточное положение между мудрецом и невеждой. Обязан же он этим опять-таки своему происхождению: ведь отец у него мудр и богат, а мать не обладает ни мудростью, ни богатством. Такова, дорогой Сократ, природа этого гения. Что же касается твоего мнения об Эроте, то в нем нет ничего удивительного. Судя по твоим словам, ты считал, что Эрот есть предмет любви, а не любящее начало. Потому-то, я думаю, Эрот и показался тебе таким прекрасным. Ведь предмет любви в самом деле и прекрасен, и нежен, и полон совершенства, и достоин зависти. А любящее начало имеет другой облик, такой примерно, как я сейчас описала.

Сократ: Пусть так, чужеземка, ты говорила прекрасно, но если Эрот таков, какая польза от него людям?

Диотима: А это, Сократ, я сейчас и попытаюсь тебе объяснить. Итак, свойства и происхождение Эрота тебе известны, а представляет он собой, как ты говоришь, любовь к прекрасному. Ну, а если бы нас спросили: «Что же это такое, Сократ и Диотима, любовь к прекрасному?» - или, выражаясь еще точнее: «Чего же хочет тот, кто любит прекрасное?»

Сократ: Чтобы оно стало его уделом.

Диотима: Но твой ответ влечет за собой следующий вопрос, а именно: «Что же приобретет тот, чьим уделом станет прекрасное?»

Сократ: Не могу ответить на такой вопрос сразу.

Диотима: Ну, а если заменить слово «прекрасное» словом «благо» и спросить тебя: «Скажи, Сократ, чего хочет тот, кто любит благо?»

Сократ: Чтобы оно стало его уделом.

Диотима: А что приобретает тот, чьим уделом окажется благо?

Сократ: На это ответить легче. Он будет счастлив.

Диотима: Правильно, счастливые счастливы потому, что обладают благом. А спрашивать, почему хочет быть счастливым тот, кто хочет им быть, незачем. Твоим ответом вопрос, по-видимому, исчерпан.

Сократ: Ты права.

Диотима: Ну, а это желание и эта любовь присущи, по-твоему, всем людям, и всегда ли они желают себе блага, по-твоему?

Сократ: Да. Это присуще всем.

Диотима: Но если все и всегда любят одно и то же, то почему же, Сократ, мы говорим не обо всех, что они любят, а об одних говорим так, а о других - нет?

Сократ: Я и сам этому удивляюсь.

Диотима: Не удивляйся. Мы просто берем одну какую-то разновидность любви и, закрепляя за ней название общего (понятия), именуем любовью только ее, а другие разновидности называем иначе.

Сократ: Например?

Диотима: Изволь. Ты знаешь, творчество - понятие широкое. Все, что вызывает переход из небытия в бытие, - творчество, и, следовательно, создание любых произведений искусства и ремесла можно назвать творчеством, а всех создателей их - творцами.

Сократ: Совершенно верно.

Диотима: Однако, ты знаешь, что они не называются творцами, а именуются иначе, ибо из всех видов творчества выделена одна область - область музыки и стихотворных размеров, к которой и принято относить наименование «творчество». Творчеством зовется только она, а творцами-поэтами - только те, кто ей причастен.

Сократ: Совершенно верно.

Диотима: Так же обстоит дело и с любовью. По сути, всякое желание блага и счастья - это для всякого великая и коварная любовь. Однако о тех, кто предан таким ее видам, как корыстолюбие, любовь к телесным упражнениям, любовь к мудрости, не говорят, что они любят или что они влюблены, - только к тем, кто занят и увлечен одним лишь определенным видом любви, относят общие названия «любовь», «любить» и «влюбленные» .

Сократ: Пожалуй, это правда.

Диотима: Некоторые утверждают, что любить - значит искать свою половину. А я утверждаю, что ни половина, ни целое не вызовет любви, если не представляет собой, друг мой, какого-то блага. Люди хотят, чтобы им отрезали руки и ноги, если эти части собственного их тела покажутся им негодными. Ведь ценят люди вовсе не свое (если, конечно, не называть все хорошее своим и родственным себе, а все дурное - чужим), нет, любят они только хорошее. А ты как думаешь?

Сократ: Я думаю так же.

Диотима: Нельзя ли поэтому просто сказать, что люди любят благо?

Сократ: Можно.

Диотима: А не добавить ли, что люди любят и обладать благом?

Сократ: Добавим.

Диотима: И не просто обладать им, но обладать вечно?

Сократ: Добавим и это.

Диотима: Не есть ли, одним словом, любовь не что иное, как любовь к вечному обладанию благом?

Сократ: Ты говоришь сущую правду.

Диотима: Ну, а если любовь - это всегда любовь к благу, то скажи мне, каким образом должны поступать те, кто к нему стремится, чтобы их пыл и рвение можно было назвать любовью? Что они должны делать, ты можешь сказать?

Сократ: Если бы мог, я не восхищался бы твоей мудростью и не ходил к тебе, чтобы все это узнать.

Диотима: Ну, так я отвечу тебе. Они должны родить в прекрасном как телесно, так и духовно.

Сократ: Нужно быть гадателем, чтобы понять, что ты имеешь в виду, а мне это непонятно.

Диотима: Ну что ж, скажу яснее. Дело в том, Сократ, что все люди беременны как телесно, так и духовно, и, когда они достигают известного возраста, природа наша требует разрешения от бремени, разрешиться же она может только в прекрасном, но не в безобразном. Соитие мужчины и женщины есть такое разрешение. И это дело божественное, ибо зачатие и рождение суть проявления бессмертного начала в существе смертном. Ни то, ни другое не может произойти в неподходящем, а неподходящее для всего божественного - это безобразие, тогда как прекрасное - это подходящее. Таким образом, Мойра и Илифия всякого рождения - это Красота. Поэтому, приблизившись к прекрасному, беременное существо проникается радостью и весельем, родит и производит на свет, а приблизившись к безобразному, мрачнеет, огорчается, съеживается, отворачивается, замыкается и, вместо того чтобы родить, тяготится задержанным в утробе плодом. Вот почему беременные и те, кто уже на сносях, так жаждут прекрасного - оно избавляет их от великих родильных мук. Но любовь, и вовсе не есть стремление к прекрасному, как то тебе, Сократ, кажется.

Сократ: А что же она такое?

Диотима: Стремление родить и произвести на свет в прекрасном.

Сократ: Может быть.

Диотима: Несомненно. А почему именно родить? Да потому, что рождение - это та доля бессмертия и вечности, которая отпущена смертному существу. Но если любовь, как мы согласились, есть стремление к вечному обладанию благом, то наряду с благом нельзя не желать и бессмертия. А значит, любовь - это стремление и к бессмертию.

Сократ: *Всему этому она учила меня всякий раз, когда беседовала со мной о любви. А однажды она спросила меня:*

Диотима: В чем, по-твоему, Сократ, причина этой любви и этого вожделения? Но замечал ли ты, в сколь необыкновенном состоянии бывают все животные: и наземные, и пернатые, когда они охвачены страстью деторождения? Они пребывают в любовной горячке: сначала во время спаривания, а потом - когда кормят детенышей, ради которых они готовы и бороться с самыми сильными, как бы ни были слабы сами, и умереть, и голодать, только чтобы их выкормить, и вообще сносить все, что угодно. О людях еще можно подумать, что они делают это по велению разума, но в чем причина таких любовных порывов у животных, ты можешь сказать?

Сократ: Не знаю.

Диотима: И ты считаешь себя знатоком любви, не поняв этого?

Сократ: Но ведь я же, как я только что сказал, потому и хожу к тебе, Диотима, что мне нужен учитель. Назови же мне причину и этого и всего другого, относящегося к любви!

Диотима: Так вот, если ты убедился, что любовь по природе своей - это стремление к тому, о чем мы не раз уже говорили, то и тут тебе нечему удивляться. Ведь у животных, так же как и у людей, смертная природа стремится стать по возможности бессмертной и вечной. А достичь этого она может только одним путем - порождением, оставляя всякий раз новое вместо старого; ведь даже за то время, покуда о любом живом существе говорят, что оно живет и остается самим собой, - человек, например, от младенчества до старости считается одним и тем же лицом, - оно никогда не бывает одним и тем же, хоть и числится прежним, а всегда обновляется, что-то непременно теряя, будь то волосы, плоть, кости, кровь или вообще все телесное, да и не только телесное, но и то, что принадлежит душе: ни у кого не остаются без перемен ни его привычки и нрав, ни мнения, ни желания, ни радости, ни горести, ни страхи, всегда что-то появляется, а что-то утрачивается.

И еще удивительнее, однако, обстоит дело с нашими знаниями: мало того что какие-то знания у нас появляются, а какие-то мы утрачиваем и, следовательно, никогда не бываем прежними и в отношении знаний, - такова же участь каждого вида знаний в отдельности. То, что называется упражнением, обусловлено не чем иным, как убылью знания, ибо забвение - это убыль какого-то знания, а упражнение, заставляя нас вновь вспоминать забытое, сохраняет нам знание настолько, что оно кажется прежним. Так вот, таким же образом сохраняется и все смертное: в отличие от божественного, оно не остается всегда одним и тем же, но, устаревая и уходя, оставляет новое свое подобие. Вот каким способом, Сократ, приобщается к бессмертию смертное: и тело, и все остальное. Другого способа нет. Не удивляйся же, что каждое живое существо по природе своей заботится о своем потомстве. Бессмертия ради сопутствует всему на свете рачительная эта любовь.

Сократ (в изумлении): Да неужели, премудрая Диотима, это действительно так?

Диотима: Можешь быть уверен в этом, Сократ. Возьми людское честолюбие - ты удивишься его бессмысленности, если не вспомнишь то, что я сказала, и упустишь из виду, как одержимы люди желанием сделать громким свое имя, «чтобы на вечное время стяжать бессмертную славу», ради которой они готовы подвергать себя еще большим опасностям, чем ради своих детей, тратить деньги, сносить любые тяготы, умереть, наконец. Ты думаешь, Алкестиде захотелось бы умереть за Адмета, Ахиллу - вслед за

Патроклом, а вашему Кадру - ради будущего царства своих детей, если бы все они не надеялись оставить ту бессмертную память о своей добродетели, которую мы и сейчас сохраняем? Я думаю, что все делают все ради такой бессмертной славы об их добродетели, и, чем люди достойнее, тем больше они и делают. Бессмертие - вот чего они жаждут.

Те, у кого разрешиться от бремени стремится тело, обращаются больше к женщинам и служат Эроту именно так, надеясь деторождением приобрести бессмертие и счастье и оставить о себе память на вечные времена. Беременные же духовно - ведь есть и такие, которые беременны духовно, и притом в большей даже мере, чем телесно, - беременны тем, что как раз душе и подобает вынашивать. А что ей подобает вынашивать? Разумение и прочие добродетели. Родителями их бывают все творцы и те из мастеров, которых можно назвать изобретательными. Самое же важное и прекрасное - это разуметь, как управлять государством и домом, и называется это умение рассудительностью и справедливостью. Так вот, кто смолоду вынашивает эти качества, храня чистоту и с наступлением возмужалости, но испытывает страстное желание родить, тот, я думаю, тоже ищет везде прекрасное, в котором он мог бы разрешиться от бремени, ибо в безобразном он ни за что не родит. Беременный, он радуется прекрасному телу больше, чем безобразному, но особенно рад он, если такое тело встретится ему в сочетании с прекрасной, благородной и даровитой душой: для такого человека он сразу находит слова о добродетели, о том, каким должен быть и чему должен посвятить себя достойный муж, и принимается за его воспитание. Проводя время с таким человеком, он, я думаю, соприкасается с прекрасным и родит на свет то, чем давно беремен. Всегда помня о своем друге, где бы тот ни был: далеко или близко, он сообща с ним растит свое детище, благодаря чему они гораздо ближе друг другу, чем мать и отец, и дружба между ними прочнее, потому что связывающие их дети прекраснее и бессмертнее. Да и каждый, пожалуй, предпочтет иметь таких детей, а не обычных, если подумаете о Гомере, Гесиоде и о других прекрасных поэтах, чье потомство достойно зависти, ибо оно приносит им бессмертную славу и сохраняет память о них, потому что и само незабываемо и бессмертно. Или возьми, если угодно, детей, оставленных Ликургом в Лакедемонии, детей, спасших Лакедемон и, можно сказать, всю Грецию. В почете у вас и Солон, родитель ваших законов, а в разных других местах, будь то у греков или у варваров, почетом пользуется много других людей, совершивших множество прекрасных дел и породивших разнообразные добродетели. Не одно святилище воздвигнуто за таких детей этим людям, а за обычных детей никому еще не воздвигали святилищ.

Во все эти таинства любви можно, пожалуй, посвятить и тебя, Сократ. Что же касается тех высших и сокровеннейших, ради которых первые, если разобраться, и существуют на свете, то я не знаю, способен ли ты проникнуть в них. Сказать о них я, однако, скажу, за мной дело не станет. Так попытайся же следовать за мной, насколько сможешь.

Кто хочет избрать верный путь ко всему этому, должен начать с устремления к прекрасным телам в молодости. Если ему укажут верную дорогу, он полюбит сначала одно какое-то тело и родит в нем прекрасные мысли, а потом поймет, что красота одного тела родственна красоте любого другого, и что если стремиться к идее прекрасного, то

нелепо думать, будто красота у всех тел не одна и та же. Поняв это, он станет любить все прекрасные тела, а к тому одному охладает, ибо сочтет такую чрезмерную любовь ничтожной и мелкой. После этого он начнет ценить красоту души выше, чем красоту тела, и, если ему попадется человек хорошей души, но не такой уж цветущий, он будет вполне доволен, полюбит его и станет заботиться о нем, стараясь родить такие суждения, которые делают юношей лучше, благодаря чему невольно постигнет красоту нравов и обычаев и, увидев, что все это прекрасное родственно между собою, будет считать красоту тела чем-то ничтожным. От нравов он должен перейти к наукам, чтобы увидеть красоту наук и, стремясь к красоте уже во всем ее многообразии, не быть больше ничтожным и жалким рабом чьей-либо привлекательности, плененным красотой одного какого-то мальчишки, человека или характера, а повернуть к открытому морю красоты и, созерцая его в неуклонном стремлении к мудрости, обильно рождать великолепные речи и мысли, пока наконец, набравшись тут сил и усовершенствовавшись, он не узрит того единственного знания, которое касается прекрасного, и вот какого прекрасного... Теперь постарайся слушать меня как можно внимательнее.

Кто, наставляемый на пути любви, будет в правильном порядке созерцать прекрасное, тот, достигнув конца этого пути, вдруг увидит нечто удивительно прекрасное по природе, то самое, Сократ, ради чего и были предприняты все предшествующие труды, - нечто, во-первых, вечное, то есть не знающее ни рождения, ни гибели, ни роста, ни оскудения, а во-вторых, не в чем-то прекрасное, а в чем-то безобразное, не когда-то, где-то, для кого-то и сравнительно с чем-то прекрасное, а в другое время, в другом месте, для другого и сравнительно с другим безобразное. Прекрасное это предстанет ему не в виде какого-то лица, рук или иной части тела, не в виде какой-то речи или знания, не в чем-то другом, будь то животное, Земля, небо или еще что-нибудь, а само по себе, всегда в самом себе единообразное; все же другие разновидности прекрасного причастны к нему таким образом, что они возникают и гибнут, а его не становится ни больше, ни меньше, и никаких воздействий оно не испытывает. И тот, кто благодаря правильной любви к юношам поднялся над отдельными разновидностями прекрасного и начал постигать само прекрасное, тот, пожалуй, почти у цели.

Вот каким путем нужно идти в любви - самому или под чьим-либо руководством: начав с отдельных проявлений прекрасного, надо все время, словно бы по ступенькам, подниматься ради самого прекрасного вверх - от одного прекрасного тела к двум, от двух - ко всем, а затем от прекрасных тел к прекрасным нравам, а от прекрасных нравов к прекрасным учениям, пока не поднимешься от этих учений к тому, которое и есть учение о самом прекрасном, и не познаешь наконец, что же это - прекрасное. И в созерцании прекрасного самого по себе, дорогой Сократ, только и может жить человек, его увидевший. Ведь, увидев его, ты не сравнишь его ни со златотканой одеждой, ни с красивыми мальчиками и юношами, при виде которых ты теперь приходишь в восторг, и, как многие другие, кто любит своими возлюбленными и не отходит от них, согласился бы, если бы это было хоть сколько-нибудь возможно, не есть и не пить, а только непрестанно глядеть на них и быть с ними. Так что же было бы, если бы кому-нибудь довелось увидеть прекрасное само по себе прозрачным, чистым, беспримесным, не обремененным человеческой плотью, красками и всяким другим бранным вздором, если

бы это божественное прекрасное можно было увидеть во всем его единообразии? Неужели ты думаешь, что человек, устремивший к нему взор, подобающим образом его созерцающий и с ним неразлучный, может жить жалкой жизнью? Неужели ты не понимаешь, что, лишь созерцая прекрасное тем, чем его и надлежит созерцать, он сумеет родить не призраки добродетели, а добродетель истинную, потому что постигает он истину, а не призрак? А кто родил и вскормил истинную добродетель, тому достается в удел любовь богов, и если кто-либо из людей бывает бессмертен, то именно он.

Сократ: Вот что - да будет и тебе, Федр, и всем вам известно - рассказала мне Диотима, и я ей верю. А, веря ей, я пытаюсь уверить и других, что в стремлении человеческой природы к такому уделу у нее вряд ли найдется лучший помощник, чем Эрот. Поэтому я утверждаю, что все должны чтить Эрота, и, будучи сам почитателем его владений и всячески в них подвизаясь, я и другим советую следовать моему примеру и, как могу, славлю могущество и мужество Эрота. Если хочешь, Федр, считай эту речь похвальным словом Эроту, а нет - назови ее чем угодно, как заблагорассудится.